

Яна Колотова
автор блога о материнской
нелюбви и ее последствиях
@yana_yanak

ХОЛОДНОЕ ДЕТСТВО

Как начать жить,
если ты нелюбимый ребенок

Яна Колотова
**Холодное детство. Как
начать жить, если ты
нелюбимый ребенок**
Серия «Записки российских блогеров»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67786829

Холодное детство. Как начать жить, если ты нелюбимый ребенок:

Эксмо; М; 2022

ISBN 978-5-04-170677-7

Аннотация

Мама до сих пор занимает в вашей жизни слишком много места? В семье вы отвечаете за всех, и за партнера, который часто становится еще одним вашим ребенком? В отношениях с детьми вы узнаете в себе свою мать и ненавидите себя за это? Тогда эта книга для вас. Яна Колотова, автор блога о материнской нелюбви, предлагает ознакомиться с ее личной историей, которая поможет вам осознать проблему и составить собственный план терапии. А также увидеть детско-родительские отношения без розовых очков, отпустить прошлое и начать полноценную и счастливую жизнь.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яна Колотова

**Холодное детство. Как
начать жить, если ты
нелюбимый ребенок**

© Колотова Я.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*** * ***

Введение

Как я дошла до жизни такой? Стала вдруг писать на табуированную и крайне болезненную тему материнской нелюбви.

Держать в секрете все, что происходит в семье, меня приучила мама. «Только никому об этом не говори!» – зловеще изрекала она, особым тоном подчеркивая важность своего сообщения. А что я? Я старалась оправдать доверие. Потому что так говорила *мама*, главный человек в моей жизни. И я молчала. Долгие-долгие годы. Чтобы мама во мне не разочаровалась. Да и стыдно было. Ведь того, что случается в нашей семье, разумеется, *не случалось* в других.

В 18 лет я случайно попала к психотерапевту. Настоящему профессионалу. Очень стеснялась и не хотела ничего рассказывать. Но рассказать было необходимо, потому что дальше так продолжаться не могло. Пласт психологических проблем стал таким непомерным грузом, что меня под его тяжестью согнуло в три погибели. Я существовала, а не жила.

С тех пор прошло много лет. Двадцать шесть – на момент написания этой книги. Я давно знаю истинный расклад вещей в нашей семье вплоть до прадедов. Что, почему и откуда взялось.

В финале терапии мне захотелось записать то, что я вспомнила. Сохранить в деталях важные мгновения моего

детства и моей взрослой жизни. Ведь то, что когда-то болезненные эпизоды один за другим начали приобретать форму коротких рассказов, означало только одно – они становились нейтральными фактами моей биографии.

На которые я теперь смотрю со стороны. И отправляю их к тем, кому они нужны.

Часть I

Детство

Глава 1

Не жилец

Ребенок не закричал. «Не жилец», – сухо констатировал врач.

Новорожденного обтерли и положили на подоконник. Умирать.

Мальчик был первенцем моих родителей. Без зрачков, с волчьей пастью и заячьей губой, шестипалым и с пороком сердца, несовместимым с жизнью. Он пробыл на этом свете всего 20 минут.

Томск. Жаркий июль 1970-го. Отец стоит под окнами роддома и смотрит, как за стеклами третьего этажа плачет его юная жена. Она в шоке. *Она не смогла родить нормального ребенка.* Слезы сами собой текут по щекам. Она не перестанет плакать, даже когда родится ее второй сын, мой брат, и я – запасная дочь на случай, если что-то случится с сыном.

Историю рождения первого брата я буду знать наизусть, но так и не осмелюсь спросить: «Почему ты не взяла его на руки?» Хотя давно знаю ответ. Мальчик был «дефектив-

ным». Моя мать сразу же отеклась от него. Как отеклась бы и от меня, и от второго сына, если бы мы родились инвалидами.

Глава 2

АЭС

Выпускник Томского политеха, физик-ядерщик Валерий Колотов приехал работать на завод атомных подводных лодок в город Северодвинск в 1973 году. Отработал положенные три года по распределению. Остаться не захотел.

В сыром ветреном климате жена и маленький сын часто болели, да и перспектива получить собственное жилье в ближайшем будущем была так же туманна, как северодвинское утро. Выбор мест работы по специальности в более теплых регионах был не слишком велик – Чернобыльская и Курская АЭС.

На Чернобыльской были сложности с жильем, на Курской пообещали квартиру в течение года. И действительно дали. Однушку, а после моего рождения – трехкомнатную.

Переехали мои родители в город атомщиков, Курчатов, в 1976 году, в 1977-м на свет появилась я. Последний ребенок в семье.

Курчатов, построенный при Курской АЭС и названный в честь академика Игоря Курчатова, в тот период представлял собой поселок городского типа. Статус города он получил в 1983 году. В моногородах градообразующее предприятие играет роль и матери, и отца, и могущественного покровителя.

Атомная станция была центром жизни города, ее сердцем. Ее любили, ей были благодарны. Значительная часть жителей работали там, остальные – в школах, поликлинике, домах быта и магазинах. АЭС не подводила: современный спортивный центр, огромный кинотеатр, Дом культуры, поликлиника – все ведомственное и довольно хорошее. Сам город Курчатов был ухоженным и уютным. Профессиональный праздник – День энергетика – отмечали с размахом. Отец работал в первом реакторном цехе, мама, когда вышла из отпуска по уходу за мной, – в отделе ядерной безопасности и надежности.

Я слушала их разговоры по вечерам и проникалась важностью и статусом предприятия. Так «большая энергетика» стала частью моей жизни. В 17 лет я уехала учиться в Москву. Казалось, что все – филолог, живу в Москве, энергетика в прошлом. Ага, не тут-то было!

После пятого курса я отправилась работать переводчиком – куда бы вы думали? В Бангладеш, на строительство ТЭЦ. Там познакомилась с мужем, который строил Южно-Украинскую АЭС и продолжает работать в энергетическом строительстве и сейчас.

Глава 3

Яна. Имя выбрала мама

Уже месяц стояла невыносимая и непривычная для средних широт России жара. Начался август, но надежды на похолодание не принес.

На рассвете забывшихся тяжелым сном жителей деревень между Курчатовом и Курском разбудил вой сирены скорой помощи. Сложный случай. Роженицу везут в курский роддом. Схватки ослабли, а в родзале прекратились совсем.

– Слезайте с кресла, идите в палату!

– Не пойду, – удивилась собственной наглости мама.

– Тогда будем стимулировать, – вздохнула врач.

После укола ребенок «вылетел» мгновенно.

– Девочка, – буднично произнесла акушерка.

К чувству облегчения примешалась какая-то брезгливость. Мама знала, что у нее будет дочь, но не ожидала, что та окажется настолько некрасивой и пробудит в ней столько неприятных чувств.

Ребенка взвесили, запеленали и унесли. Роженицам с отрицательным резус-фактором крови после родов запрещали кормить.

Мать мучилась неизвестностью. Хотела получше рассмотреть младенца.

Принесли лишь через трое суток. Веки склеены. А по

щеке расплзся огромный синяк – последствие длительного безводного периода.

Мать промыла глаза грудным молоком и начала скрупулезно рассматривать малышку.

Девочка почувствовала запах молока и начала крутить головой – искать сосок. Мать дала грудь и продолжила изучать ребенка. Узнавала черты мужа и все больше расстраивалась. Старший сын родился красавцем, а дочка страшнее атомной войны.

Приезжал и стоял под окнами муж. Всегда пьяный. То ли от радости, то ли от свалившейся новой ответственности. Воды в роддоме не было. Кормили отвратительно. Не разрешали надевать нижнее белье. Для послеродовых выделений давали застиранную тряпку. Из одежды – драную ночную рубашку. Из-за отрицательного резус-фактора в роддоме держали не семь, а десять дней.

Жара и не думала уходить. А вот из роддома уйти хотели все. Даже те, кто еще не родил.

Наконец выписывают! Муж приехал забрать жену и дочь. Снова пьяный. Храпел в такси с ребенком в светло-розовом костюмчике на руках.

На кухне так и стояли банки с компотами. Мать готовила запасы на зиму и назакручивала их столько, что спровоцировала схватки на две недели раньше срока. И вместо 15 августа родила первого, в пять утра.

Дочку решила назвать Яной.

Глава 4

Затмение

Воздух еще не прогрет солнцем. Свежо. Летнее сибирское утро. Пахнет влажной травой. Где-то поскрипывает водоколонка. Я иду в деревенскую уборную в дальнем углу двора. На пути – гараж с пятнами смолы на воротах, напоминающих железнодорожную шпалу. Эти ворота для меня высотой до неба. Я вижу только их шершавую поверхность и огромную черную щеколду.

До уборной остается с десятков шагов. Но я застываю напротив ворот, потому что солнечный свет внезапно меркнет. День превращается в ночь. Как в сказке.

Я знаю, что так быть не может.

Солнце заходит медленно. А сейчас вообще утро.

Что случилось?!

Сердце уходит в пятки. Внутри все каменеет от ужаса. Я разворачиваюсь и бегу обратно, в дом. За эти секунды успеваю перебрать в голове все доступные мне варианты: «Я в сказке? Мне снится сон? Солнце украли?»

Подбегаю к крыльцу и вижу, что бабушка и дедушка вглядываются в закрытое черным кругом солнце, окаймленное тонким светящимся ободком. В изумлении обнаруживаю, что они совершенно спокойны. И не понимают, что со мной произошло.

Я ничего не говорю: мне трудно выразить словами то, что я чувствую. Одновременно понимаю, что и незачем. Если надо объяснять, то не надо объяснять. Я привыкла так жить. Я могу держать в себе свои чувства. И уже даже это понимаю.

Ночь превращается обратно в день.

А я снова не верю, что день может сменять ночь с такой скоростью. Как?!

До туалета я так и не дошла. Перехотела. А потом боялась идти через двор. Прикидывала, как быстро смогу добежать назад.

Страх не успеть вернуться в дом и исчезнуть во тьме преследовал меня много лет. Я каждый раз замирала у гаража и ждала, стемнеет или нет. Боролась с паникой и заставляла себя идти дальше.

Представляла Элли из «Волшебника Изумрудного города», которую унес ураган. И очень не хотела повторить ее судьбу. Меня-то точно никто не будет искать.

В то лето мне было четыре.

Солнечное затмение 31 июля 1981 года «прошло» практически по всей территории СССР. В районе Барнаула продолжалось 2 минуты и 2 секунды.

Глава 5

«Коконя сылая»

Мне 4 года. Вечер. Не спится. Наверное, надо поесть.

Выхожу из детской и заявляю, что мне надо «коконю сы-
лую» («коконю сырую», то есть сырые яйца, взбитые с солью
и заправленные кусочками черного хлеба).

Знаю, что мама не захочет возиться со мной. Делегирует
отца. Он покорно косолапит на кухню, взбивает яйца, кро-
шит в них хлеб. Ставит передо мной тарелку. Молчит. Я ем.
Вкусно! Хотелось бы поговорить, но отец не умеет разгова-
ривать с детьми.

Вдруг я понимаю, что не смогу доесть «коконю». Слезы
наворачиваются на глаза, в горле комок. Отец приготовил, а
я не могу съесть! Он же расстроится!

Мне до боли жаль его. Жалость переполняет мое малень-
кое тело, не умещается внутри. Я начинаю тяжело дышать,
слезы ручейками текут из глаз. Благодаря им внутреннее на-
пряжение слегка ослабевает.

Одновременно я вижу, что отцу, в общем-то, все равно.
Он ничего от меня не ждет. И вряд ли заметит, сколько я
съела. Но жалость цепко держит мое детское сердечко.

Бедный папочка!

Глава 6

Выверташки

Небольшая советская кухня залита солнцем. Аромат свежей выпечки приятно щекочет нос. Суббота! Значит, мама дома и что-то печет! Радостно несусь на кухню, открываю дверь... Да! Сегодня на завтрак выверташки!

Это узкие и длинные полоски теста, вывернутые изнутри наружу. В середине раскатанного прямоугольника мама делает разрез и втягивает в него углы. Расправляет, и – оп! – готова выверташка. Она жарит их на почти сухой чугунной сковородке. Кладет в большую миску. Можно есть.

Я не люблю молоко, но с выверташками готова выпить целый стакан. Только холодного. Сочетание горячего теста и молока из холодильника божественно!

Мама смотрит, как я ем, и напоминает, как нам с братом повезло, что у нас такая мать. Каждые выходные что-нибудь печет для нас. Я радостно киваю. Моя мама – самая лучшая мама на свете! Я хочу посмотреть ей в глаза, чтобы порадоваться вместе, но никак не могу встретиться с ней взглядом.

Хм. Ладно. Я поела и могу идти.

Мама же вполне счастлива. Идиллическая картина семейной жизни, которую она изобразила, ей по-настоящему нравится. Она на какой-то короткий миг довольна собой. Достигла того, о чем мечтала. Состоялась как мать и жена.

Таких суббот у нас было много. Мама казалась заботливой, поддерживала безупречный порядок в доме, покупала нам игрушки и книги, шила одежду, но всегда избегала сближения. Особенно со мной.

Я понимала почему. Она и сама прямо говорила: я неуклюжая, некрасивая, неловкая, нетерпеливая. Пропорции у меня странные: голова большая. За меня часто стыдно. Я со-су палец по ночам, и меня невозможно от этого отучить. Я много бегаю, у меня всегда ободраны коленки. Веду себя как пацан, а я же де-е-евочка.

В общем, не повезло мне.

А мама у меня само совершенство! И красивая, и умная, и умелая. Шьет, печет, модно одевается. Утонченная, изящная. На работе ее все любят. Знакомые восхищаются.

От восторга меня распирает во все стороны. Гордость и радость за маму просто не помещаются внутри. «Я такая счастливая! Не каждому везет иметь такую маму!» – думаю я перед сном в этот прекрасный субботний вечер.

Кладу большой палец в рот, успокаиваюсь и засыпаю.

Глава 7

У бабушки

Я с двоюродным братом Денисом сижу на проселочной грунтовой дороге, изрытой колеями. Недавно прошел дождь, в колеях стоит вода.

Встаешь в эту глубокую лужу и топаешь ногой, теплая мутная вода заливается в сапоги. Потом нужно сесть, снять сапоги один за другим и вылить воду.

За сим прекрасным занятием нас застает случайная прохожая – кричит и грозит тем, что нам «прилетит» от родителей.

Тетенька не знает, что за нами смотрит бабушка. Одна на двоих. И она на нас не кричит. Бабушка Аня, мать моего отца, самый адекватный человек моего детства. Она понимает и меня, и Дениса. Всегда веселая и жизнерадостная. Никогда не разваливается на части от наших выходок. Не стыдит и не унижает, не наказывает. Пришли грязные – ну, идите помойтесь. Садитесь ужинать. Я всегда чувствовала, что она очень крепкая. Как большое высокое дерево с прочными корнями, которому не страшны ни ветер, ни буря. И в его широких ветвях мы всегда можем укрыться.

Как-то мы с Денисом притащили в дом рыжего щенка. Назвали его Саликом. И бабушка разрешила нам его оставить, хотя до этого не держала собак. Салик бегал с нами по де-

ревне. Играл со всей нашей детской компанией. И со временем превратился в огромного львоподобного красавца. Ему построили будку, где он прожил долгую счастливую жизнь дворовой собаки.

В течение десяти лет своей жизни – с двух до двенадцати – каждое лето я проводила в деревне, родном селе моих родителей. Я там никогда не болела и чувствовала себя легко. На все лето превращалась в обычного, ничем не обремененного ребенка.

Во многом то была заслуга бабушки Ани, которая была по-настоящему взрослым зрелым человеком. С ней было спокойно. Она позволяла детям быть детьми и всегда оставалась на нашей стороне.

Глава 8

Ирга и пирожки со щавелем

Пирожки со щавелем. Жареные. Хрустящая корочка горячего теста и кисло-сладкая начинка... М-м-м... Что может быть вкуснее?

Их пекла моя бабушка, мама моей мамы. Она не любила готовить, но пирожки пекла. Это был ее способ показать нам свою любовь – дикую, необузданную, безумную, для выражения которой она не находила слов, но вкладывала ее в выпечку.

В детстве я думала, что пирожки со щавелем – самая обычная еда. Только спустя годы поняла, что больше нигде и никогда не ела таких пирожков. Они принадлежат ей – грубой женщине с щемяще-прекрасным именем Лидия.

Мои родители выросли в одном селе и потом вместе уехали оттуда: сначала учиться, потом работать. Далеко-далеко, за тысячи километров.

...Мы приезжаем сюда на лето. Живем на два дома: то у папиных родителей, то у маминых.

У бабушки Ани во дворе растет ирга – огромное дерево с темными сине-бордовыми ягодами. Они некрупные, с нежным приятным вкусом, умеренно-сладкие. Часть покрытых ягодами веток лежит на крыше летней веранды.

Я лезу туда босиком по старой деревянной лестнице. Го-

рячий шифер обжигает ноги, ветки задевают лицо. Я быстро собираю иргу в ведро, с трудом удерживая равновесие на волнистой крыше. Меня охватывает дикая радость.

Я чувствую себя свободной от всех печалей и забот, которые остались внизу. словно напившись энергией от яркого солнца, я готова оторваться и полететь рядом с мягкими ватными облаками.

Сегодня ночью здесь. Передо мной стакан еще теплого парного молока, банка малинового варенья и кусок домашнего белого хлеба – пышного, слегка влажного, дырчатого, похожего на прогрызенный мышами сыр из мультфильма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.